МЕЧЕНАЯ

18+

Ани Вебр
Меченая

https://litres.ru/74699792
SelfPub; 2026

Аннотация

Молодая семейная пара, нашли десятилетнюю девочку, с клеймом на теле. Бедняжка была напугана и совсем ни чего не помнила. Кто она и откуда? Взяв ее к себе в дом, они даже не подозревали, чем для них, это закончится. Спустя время, девочка обнаружит в себе сверх способности, которым будет отнюдь не рада. После и начнется ее быстрое взросление и увлекательное путешествие. В котором она узнает, о происхождении своего клейма и встретит любовь.

Ани Вебр
Меченая

Человек с клеймом,
Не всегда изгой.
Если дать ему шанс,
Он может удивить!

Глава 1

— Когда я открыла глаза, то находилась в каюте корабля. Я не помню, как там оказалась, — девочка говорила тихо, и каждое слово давалось ей с трудом, будто она пробиралась сквозь густой туман собственных воспоминаний. Пошла осматриваться. Выйдя на палубу, увидела лежащих повсюду людей. Они все были мертвы, — рассказывая, она плакала, и слёзы катились по её щекам, оставляя на бледной коже тонкие влажные дорожки. — Я прошла по всему кораблю — ни одного живого человека, кроме меня. Матросы, капитан, вся команда и около десяти человек в чёрных костюмах — мужчины и женщины. Мне было страшно… У штурвала была рация, я пыталась связаться хоть с кем-нибудь. Потом увидела яхту и стала звать на помощь. Я не знаю, что ещё сказать. Я не помню, кто я и что было до этого.

Голос девочки звучал странно — хрупко, как тонкий лёд, который вот-вот треснет. В нём не было истерики, только глухая, выматывающая усталость ребёнка, который слишком долго пытался быть сильным.

— Всё именно так. Мы нашли девочку в этой ужасной обстановке, — кивнул Марк, стараясь говорить спокойно, хотя в его глазах застыл тот самый холод, который появляется после столкновения с чем-то непостижимым.

Допрос в полицейском участке длился уже два часа. Тяжёлый, душный воздух помещения будто впитывал в себя напряжение, делая его почти осязаемым. Полицейские пытались выяснить, что произошло на корабле, но тщетно: каждый новый вопрос лишь заставлял девочку вздрагивать, а её ответы становились всё короче, пока не свелись к беспомощному: «Я не помню».

— Хорошо, подпишите, и можете быть свободны. Из города не уезжайте — на случай, если появятся вопросы, — капитан протянул им бумаги, и его голос прозвучал непривычно мягко, будто и он устал от этой бесконечной череды вопросов без ответов.

Они подписали протокол. Скрип ручки по бумаге прозвучал в тишине комнаты неожиданно громко, словно ставил точку в чём-то гораздо большем, чем просто формальность.

— А что будет с девочкой? — поинтересовалась Дженна, и в её голосе прозвучала та самая нотка, которую невозможно подделать, — искренняя, глубокая тревога, идущая из са-

мого сердца.

— Ей займутся органы опеки, — ответил капитан, и по его лицу было видно, что ему самому не нравится этот ответ.

— Может, мы могли бы забрать её к себе? Бедняжка и так напугана, — не унималась Дженна, и её настойчивость была не капризом, а криком души человека, который не может пройти мимо чужой беды.

Капитан помолчал, глядя на них, будто взвешивая не просто слова, а их готовность взять на себя эту ношу.

— Хорошо. Пока возьмите. Сотрудников опеки я направлю к вам, — наконец произнёс он, и в этом «пока» прозвучало обещание, что за девочкой будут присматривать, но сейчас ей важнее оказаться там, где тепло и безопасно.

Они вышли из участка и направились домой. Вечер уже опускался на город, окрашивая улицы в мягкие, приглушённые тона. Тени становились длиннее, а воздух — прохладнее, но Дженна почти не замечала этого. Её мысли были там, в душном кабинете, рядом с той маленькой девочкой, которая никак не могла перестать дрожать.

Дженне было тридцать пять лет. Они с Марком женаты почти пятнадцать лет, но детей у них не было. Дженна — стройная, белокурая, статная женщина, в чьих движениях всегда чувствовалась сдержанная грация, будто она всю жизнь училась держать спину прямо, даже когда хотелось согнуться под тяжестью невысказанных желаний. Марк был чуть старше неё — высокий, подтянутый мужчина со смуг-

лой кожей и чёрными как смоль волосами. В его взгляде всегда читалась спокойная уверенность человека, привыкшего отвечать за свои слова и поступки.

Они всегда мечтали о большой и дружной семье, но так и не смогли завести ребёнка. И эта мечта, не сбывшаяся, но не угасшая, теперь словно нашла новый путь — через заботу о том, кто в ней отчаянно нуждался. Увидев своими глазами, какой страх и ужас пережила девочка, они почувствовали не просто сострадание, а глубокую, почти инстинктивную ответственность. Хотелось не просто помочь, а защитить, укрыть от всего мира, дать понять, что теперь она не одна.

Они были далеко не бедными людьми, и по выходным плавали на собственной яхте — это было их маленьким убежищем, местом, где можно было забыть о делах, о городской суете, о бесконечном списке задач. В один из таких дней они и заметили девочку на корабле. Она звала на помощь — тонкий, надрывный голос, который невозможно было не услышать. Подплыв ближе и оказавшись на палубе корабля, они увидели картину, которая даже этих двух взрослых, многое повидавших людей, не оставила равнодушными. Холодный металл, солёный запах моря, застывшие в неестественных позах тела — всё это выглядело как кадр из кошмара, который никак не хотел заканчиваться. Что уж говорить о девочке.

Перед ними стоял ребёнок лет десяти. Худенькая, бледная

девчушка тряслась от страха, будто каждое движение воздуха причиняло ей боль. Увидев их, она расплакалась и прижалась к Дженне, инстинктивно ища защиты, как щенок, который наконец нашёл того, кто не оттолкнёт. Дженна обняла её, крепко, но бережно, словно боялась сломать, и, поглаживая по светло-каштановым волосам, пыталась успокоить, шепча какие-то тихие, бессмысленные, но такие нужные слова.

Девочка действительно выглядела странно. Она была слишком бледной, словно не выходила на улицу пару лет, но при этом не казалась истощённой — в её хрупкости не было болезненной худобы, скорее, какой-то неестественной прозрачности, будто она существовала на грани двух миров. Волосы были коротко стрижены, но длиннее, чем у мальчишек, и вроде даже не сильно запутаны — будто за ней кто-то ухаживал, но делал это без любви, скорее по обязанности. Одежда скорее походила на пижаму: молочного цвета штаны и рубашка с длинным рукавом, мягкая, но безликая, словно униформа.

Забрав девочку с собой, они направились в участок, не зная, что делать ещё в такой ситуации. В тот момент им казалось, что самое главное — просто не оставлять её одну, не позволять этому ледяному ужасу поглотить её окончательно. И теперь, шагая по тихой улице, Дженна прижимала девочку к себе, чувствуя, как постепенно затихает эта отчаянная дрожь, уступая место хрупкому, но такому важному чувству

безопасности.

***

Добравшись до дома, Дженна бережно повела девочку по тихому, залитому мягким светом коридору — в этом доме всегда царил уют, будто само пространство было создано для того, чтобы согревать и оберегать. Стены, выкрашенные в тёплые бежевые тона, картины с морскими пейзажами, лёгкие льняные шторы, колышущиеся от едва уловимого сквозняка, — всё здесь дышало спокойствием, которого так отчаянно не хватало девочке.

Дженна выделила ей комнату — не гостевую, холодную и безликую, а ту, что давно стояла готовой, словно ждала своего часа: с кроватью под воздушным кремовым балдахином, с книжными полками, на которых теснились сказки и приключенческие истории, с большим окном, откуда по утрам лился золотистый свет. В воздухе витал лёгкий аромат ванили — Вера, их домработница, накануне зажгла ароматическую свечу, и теперь этот запах казался добрым предзнаменованием.

Сначала Дженна помогла девочке принять ванну. Тёплая вода, чуть подкрашенная пеной с запахом лаванды, медленно смывала с неё не только морскую соль и пыль, въевшуюся в кожу, но и, казалось, сам холод того корабля, который сковывал её изнутри. Девочка сидела в ванне тихо, почти неподвижно, лишь изредка вздрагивая, когда вода каса-

лась особенно чувствительных мест, будто каждое прикосновение пробуждало в ней отголоски чего-то страшного. Дженна не торопила её, не задавала лишних вопросов — просто сидела рядом, время от времени подливая тёплой воды и тихо напевая какую-то старую колыбельную, которую когда-то пела ей мама.

Потом она помогла ей переодеться в одежду, которую они купили по дороге. Простенькое ситцевое платье нежно-зелёного цвета удачно подходило к её глазам — в этих глазах, серых с едва уловимым зелёным ободком, теперь отражался не только страх, но и робкое любопытство к этому новому, пока ещё пугающему миру. Ткань была мягкой, дышащей, приятной к телу, и девочка, коснувшись её пальцами, на мгновение замерла, будто пыталась осознать, что это не сон, что она действительно здесь, в безопасности.

— Ты совсем ничего не помнишь? Даже своего имени? — спросила Дженна, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, без нажима, словно она предлагала не допрос, а тихий разговор у камина.

Девочка на секунду опустила взгляд, будто пытаясь заглянуть внутрь себя, туда, где должны были храниться воспоминания, но встречали лишь густую, непроглядную тьму.

— Не помню, — прошептала она, и в этом шёпоте прозвучала не просто констатация факта, а тихая боль человека, потерявшего часть себя. — Но думаю, меня зовут Виталина.

Она протянула руку и указала на татуировку на запястье

правой руки. Рисунок напоминал штрих-код — чёткий, геометрически правильный, будто созданный машиной, а не человеческой рукой. Под ним мелкими, почти неразборчивыми буквами было выбито имя «Виталина». Линии татуировки были тёмными, чёткими, но кожа вокруг не выглядела воспалённой — будто метку нанесли давно, и тело успело с ней смириться, хотя разум так и не принял её.

— Ты не знаешь, откуда она у тебя? — Дженна осторожно коснулась края рисунка кончиком пальца, но тут же отдёрнула руку, испугавшись, что может причинить боль.

Девочка отрицательно покачала головой, и в этом движении было столько беспомощности, что у Дженны сжалось сердце. Она присела рядом, взяла девочку за другую руку — за ту, где не было ни странных меток, ни тайн, только тонкая, почти прозрачная кожа и хрупкие косточки, и крепко, но бережно сжала её.

— Ничего, не торопись, — тихо сказала она, глядя девочке прямо в глаза, словно пытаясь передать ей хоть каплю своей уверенности. — Мы всё выясним. Постепенно. А пока… пока ты можешь просто побыть здесь. И если хочешь, можешь оставаться Виталиной. Пусть это будет твоим именем, пока ты не вспомнишь другое. Или если так и не вспомнишь — оно всё равно будет твоим.

Девочка чуть заметно кивнула, и в этом кивке было столько доверия, что Дженна почувствовала, как к горлу подступает комок. Она притянула девочку к себе, обняла, позволяя

ей уткнуться в плечо, и стала тихонько гладить по коротко стриженным волосам, шепча: «Всё будет хорошо. Ты не одна. Мы с тобой». И в этот момент, среди тишины большого дома, наполненного заботой, впервые за долгое время девочка почувствовала, что, возможно, впереди её ждёт не только страх и неизвестность, но и что-то светлое — то, ради чего стоит учиться снова доверять миру.

***

Последующие пара месяцев были достаточно напряжёнными — дни тянулись, словно налитые свинцом, и каждый из них приносил с собой новые испытания. Постоянные встречи с органами опеки и полицией не давали расслабиться ни на минуту. В доме, который прежде дышал покоем, теперь витало едва уловимое напряжение — оно пряталось в торопливых шагах по коридору, в слишком громких, будто нарочно бодрых голосах, в неловких паузах, когда никто не знал, что сказать.

Бесконечные вопросы, задаваемые с самой искренней, но оттого не менее болезненной настойчивостью, каждый раз заставляли Виту замыкаться в себе. Она будто сворачивалась в маленький колючий комочек: плечи поднимались, глаза опускались к полу, пальцы нервно теребили край платья. В эти минуты её хрупкость становилась почти осязаемой, и Дженна чувствовала, как внутри всё сжимается от бессилия. Ей хотелось заслонить девочку от всех этих взглядов, от всех

этих бумаг, от самого слова «расследование», которое звучало в их доме слишком часто и слишком холодно.

Дженна старалась окружить Виту заботой, чтобы хоть как-то сгладить ситуацию, превратить этот шаткий, зыбкий мир в нечто надёжное. Она придумывала маленькие ритуалы: утренний какао с зефирками, которые Вита осторожно вылавливала ложкой; вечерние чтения у камина, когда страницы шелестели, а тени на стенах танцевали, словно живые; прогулки по набережной, где ветер срывал с волн брызги и бросал их в лицо, прогоняя тяжёлые мысли. Дженна будто пыталась соткать вокруг девочки невидимый кокон из тепла и уюта, чтобы туда не проникали ни чужие вопросы, ни чужие сомнения.

Татуировка на запястье была не единственной отметкой на теле Виталины. На животе, с левой стороны, чуть ниже пупка, было клеймо размером около пяти сантиметров в диаметре. Оно представляло собой круг, внутри которого красовалась буква «А». Линии были чёткими, но слегка поблекшими, края чуть размыты временем — клеймо было достаточно старым, скорее всего, нанесено ещё в детстве. От одной мысли об этом у Дженны холодело внутри, но она гнала от себя страшные догадки. Ни полиции, ни опеке она не рассказала о двух отметинах на теле девочки. Это знание казалось ей слишком личным, слишком болезненным, чтобы делиться им с чужими людьми в строгих костюмах. Дженна хотела как можно скорее закончить расследование и взять

опеку над Витой, чтобы эти шрамы — видимые и невидимые — принадлежали только их маленькой семье, где их можно было не прятать, а просто беречь.

Марк тоже симпатизировал Виталине и ни разу не возразил против оформления опекунства. Он не умел говорить о чувствах громкими словами, но его забота проявлялась в мелочах: в том, как он ставил рядом с Витой тарелку с её любимыми печеньями, в том, как терпеливо учил её запускать воздушного змея, в том, как вечерами садился рядом и молча держал её руку, если она вдруг вздрагивала от резкого звука. В его присутствии Вита понемногу училась снова чувствовать себя в безопасности.

Ещё через пару месяцев им всё-таки удалось оформить опеку. Это был тихий, почти незаметный триумф — без фанфар и оваций, но от этого не менее важный. В тот день солнце светило особенно ярко, заливая комнату золотистым светом, и даже тени на полу казались не серыми, а тёплыми, янтарными. Оставалось только ждать конца расследования, чтобы всё окончательно наладилось, чтобы этот хрупкий покой стал чем-то прочным, нерушимым.

Как оказалось, конец расследования не заставил себя долго ждать. Однажды на пороге дома появился полицейский. Он выглядел уставшим: в уголках глаз залегли тени, плечи чуть ссутулились под тяжестью будней. Пройдя в гостиную и расположившись в кресле, капитан открыл папку и достал документы. Кожаная папка щёлкнула застёжкой, и этот звук

прозвучал в тишине комнаты неожиданно громко, будто ставил точку в долгой истории.

Марк и Дженна сели на диван, ожидая новых вопросов. Их пальцы едва заметно соприкоснулись — это было единственное движение, выдававшее их напряжение. В воздухе витал лёгкий аромат свежеиспечённого хлеба — Вера, стараясь не мешать, тихонько хлопотала на кухне, и этот привычный, домашний запах странным образом придавал сил.

— Я пришёл сообщить, что дело закрывается, — начал капитан, и его голос прозвучал не торжествующе, а устало, будто он сам был рад наконец закрыть эту страницу. — Эксперт постановил, что все умерли от сердечного приступа. Что само по себе, конечно, странно, но других улик нет. Девочка ничего не помнит и не может пролить свет на произошедшее. Сделав запросы во все инстанции, мы выяснили, что девочку никто не ищет. Так что вот вам справка для новых документов, и подпишите последний протокол.

Слова падали в тишину, как тяжёлые капли, и каждая из них оставляла свой след. Дженна выдохнула с облегчением — этот вздох был похож на то, как человек, долго державший дыхание под водой, наконец выныривает и жадно глотает воздух. Руки слегка дрожали, когда она брала ручку, но подпись вышла ровной, уверенной. Марк молча кивнул, будто принимая не просто бумаги, а новую ответственность, которая теперь становилась их общей.

Расписавшись, они попрощались с полицейским, клят-

венно заверив его, что, если Вита вдруг вспомнит что-то, они обязательно сообщат. Дверь за ним закрылась, и в доме воцарилась тишина — но теперь это была не напряжённая, звенящая тишина ожидания, а спокойная, обволакивающая тишина облегчения.

Дженна подошла к окну и раздвинула шторы, впуская в комнату ещё больше света. За стеклом город жил своей обычной жизнью: спешили куда-то люди, гудели машины, ветер перебирал листья на деревьях. А здесь, в этом доме, только что закончилась одна история и началась другая — та, в которой Вита могла просто быть ребёнком: смеяться, ошибаться, бояться темноты и знать, что рядом есть те, кто не даст ей упасть.

***

Виталина стала приходить в себя — словно из глубокой, тёмной воды медленно всплывала к свету, вдыхая воздух, который поначалу обжигал лёгкие, но с каждым днём становился всё привычнее. Память не возвращалась, и порой Дженна ловила себя на мысли, что, может, это и к лучшему. Кто знает, что пришлось пережить этой девочке, какие тени прятались в её прошлом? Возможно, забвение было не проклятием, а тихой милостью, позволившей ей начать заново.

Постепенно в её глазах снова загорался свет — сначала робкий, как огонёк спички на ветру, а потом всё ярче и увереннее. Вита стала улыбаться, много разговаривать, смеять-

ся над самыми простыми вещами — над тем, как кошка неуклюже спрыгивает с подоконника, над пузырями, которые она выдувала через соломинку, над тем, как солнце рисует золотые квадраты на полу. Она играла, будто наверстывая все те дни, когда играть было нельзя или некогда, и в этом было столько жадной, живой радости, что у Дженны сжималось сердце от нежности.

Дженна взялась за её обучение. Несмотря на всё произошедшее, оказалось, что Вита обладает базовыми знаниями начальной школы: пишет, читает и считает довольно неплохо — аккуратно, старательно, с той особой сосредоточенностью, которая бывает у детей, привыкших добиваться результата любой ценой. Они продолжили обучение, только теперь на дому, в уютной комнате с большими окнами, где на подоконнике цвели фиалки, а на стене висела карта мира, испещрённая разноцветными наклейками. Уроки здесь не были повинностью — скорее игрой, приключением, путешествием, в которое они отправлялись вдвоём.

В остальное время Виталина училась простым, но таким важным вещам: готовить на старой чугунной сковороде пышные оладьи, убирать так, чтобы дом не просто блестел, а дышал чистотой, складывать бельё ровными стопочками, будто строя маленькие белые башни. В этих будничных делах она находила опору, а Дженна — радость от того, что может дать ей это тихое, надёжное чувство «своего места».

Однажды, выглянув во двор, они увидели, как Марк тре-

нируется в рукопашном бое. Он двигался с той собранной грацией, которая приходит только с годами практики: каждое движение было выверено, экономно, лишено лишней суеты. Вита замерла, наблюдая за ним, и вдруг сделала шаг вперёд, повторив один из приёмов — не неуклюже, не наугад, а с той самой точностью, которая выдавала не случайное знание, а отточенный навык.

С каждым новым открытием возникало всё больше вопросов: где же она жила до потери памяти? Откуда у маленькой девочки столь странные познания? Пытаясь выяснить это, Марк стал осторожно тестировать её на различные умения, стараясь не напугать, не вернуть ту тень, которая ещё иногда скользила по её лицу. Закончив, он был крайне удивлён: Вита умела драться почти в совершенстве для своего возраста — её удары были быстрыми, чёткими, расчётливыми. Она разводила костёр подручными средствами — из пары сухих веток, кусочка коры и искры, высеченной камнем. Знала несколько языков: русский, английский и, что казалось совсем уж странным, латынь — произносила фразы спокойно, будто когда-то использовала её ежедневно, и никто не находил в этом ничего необычного.

Она совершенно точно могла выжить в лесу и постоять за себя. Словно её готовили к войне. Вита умела стрелять из автомата и пистолета, разбирала и собирала их с той же непринуждённой ловкостью, с какой другие дети собирали конструкторы. Плюс к этому она очень умело обращалась с

ножом — не как с игрушкой и не как с орудием страха, а как с продолжением собственной руки, инструментом, который нужно уважать и понимать.

Дженна была поражена этими навыками и в глубине души не хотела, чтобы Виталина всё это помнила. Ей хотелось, чтобы прошлое осталось там, в той тёмной комнате, которую девочка, возможно, никогда не захочет открыть. Но Вита, напротив, стала каждое утро оттачивать приёмы самообороны с Марком, не обращая внимания на протесты Дженны. В этих тренировках было не желание быть опасной, а скорее стремление вернуть себе контроль — почувствовать, что она может защитить себя, если вдруг снова окажется одна в темноте.

Они стали настоящей семьёй. Ходили в походы, укладывая в рюкзаки бутерброды, термосы с горячим чаем и запасные носки, потому что Вита однажды серьёзно заявила, что «в лесу носки — это самое важное». По вечерам смотрели телевизор, прижавшись друг к другу на диване, и смеялись над одними и теми же шутками, а иногда молчали, слушая, как дождь стучит по крыше. Вместе ужинали, обсуждая самые простые вещи: какой пирог вкуснее, стоит ли заводить собаку, куда поехать следующим летом. Строили планы на будущее — не грандиозные, не далёкие, а те, что можно потрогать руками: посадить яблоню во дворе, научиться печь настоящий шоколадный торт, съездить к морю, где Вита ещё никогда не была.

В их доме царили гармония и взаимопонимание — не идеальная, глянцевая картинка, а живая, тёплая гармония, сотканная из терпения, заботы и маленьких ежедневных чудес. Здесь не боялись неловких пауз, не прятали усталость за улыбками, а если кто-то грустил, остальные просто подходили ближе, обнимали и говорили: «Мы здесь. Ты не одна». И в этом простом, но таком важном «мы» Виталина наконец почувствовала себя дома.

***

Прошло шесть лет. За это время дом Дженны и Марка стал для Виталины не просто убежищем — он стал её миром, её вселенной, где каждое место хранило свой тихий, добрый секрет. На подоконнике в кухне всё так же цвели фиалки, которые Вита когда-то посадила крошечными ростками; на стене в гостиной висела карта с булавками — отметками их походов; в кладовке до сих пор пахло смолой и костром, будто приключения никогда не заканчивались. Виталина полюбила Дженну и Марка как собственных родителей. Она уже не представляла своей жизни без них. Вита называла их мамой и папой, и ей казалось, что они и есть её настоящие родители — единственные, кого её сердце когда-либо знало по-настоящему. Марк и Дженна, в свою очередь, ни на секунду не пожалели, что взяли её под опеку. Лучшей дочери, чем Виталина, и представить было невозможно: в ней сочетались чуткость Дженны и твёрдость Марка, её улыбка

согревала дом, а старание заставляло их гордиться даже в самые обычные дни.

Так было и в этот вечер. Они вместе поужинали — на столе, как всегда, стояла тарелка с яблочным пирогом, который Вита испекла сама, и чашки с горячим какао, над которыми поднимался лёгкий пар. Расположившись в гостиной, они смотрели старое кино, смеялись над одними и теми же шутками, а Вита, свернувшись калачиком на диване между родителями, чувствовала себя в полной безопасности. В эти минуты ей казалось, что весь остальной мир — шумный, беспокойный, чужой — просто не существует.

Вита редко ходила гулять со сверстниками, предпочитая проводить время с родителями. Она прилежно училась, во всём слушала их, хотела, чтобы родители гордились ею. И они действительно гордились. Десятый и одиннадцатый класс Вита училась в школе, готовясь поступить в престижный институт. Шёл май, последний учебный год подходил к концу. Ей оставалось сдать экзамены, к которым она была безоговорочно готова: тетради были исписаны аккуратными конспектами, формулы и даты прочно засели в памяти, а в душе зрело то самое предвкушение перемен, которое бывает перед большим шагом.

Досмотрев кино, они разошлись по комнатам. Дом постепенно затихал: скрипнула половица, щёлкнули часы на стене, за окном тихо шелестели листья. Вита уснула быстро, убаюканная привычным уютом, но проснулась ночью от лёг-

кого шуршания в своей комнате. Звук был едва уловимым, почти призрачным, но именно эта тишина, нарушенная чем-то чужеродным, заставила её сердце сжаться.

Открыв глаза, Вита увидела силуэт человека в чёрном, стоящего у её кровати. На лице у него была чёрная вязаная маска, скрывавшая черты, но не способная спрятать угрозу, исходившую от него, как холод от льда. Вита вскрикнула от страха и неожиданности. Человек потянулся к ней, пытаясь закрыть рот рукой и схватить. Виталина среагировала молниеносно — уроки самообороны не прошли даром. Вскочив с кровати на противоположную сторону, она встала в стойку, готовая защищаться. На мгновение он замер, не ожидая сопротивления, — и в этой заминке Вита увидела свой шанс.

Потом он стал обходить кровать, пытаясь зажать её в угол. В воздухе повисла тяжесть, будто само пространство сжалось вокруг них, оставив только эту узкую арену страха и решимости. Нанеся несколько точных ударов в лицо противника, Вита проскользнула за его спину. Собираясь бежать из комнаты, она услышала приближающиеся шаги по ту сторону двери. Вита подумала, что Марк пришёл ей на помощь, но, когда дверь открылась, в комнату ввалились ещё двое в чёрном. Их движения были резкими, слаженными, словно они делали это не в первый раз.

Она стала соображать, как выбраться из комнаты: с тремя подготовленными противниками она точно не справится. Когда они двинулись на неё, неуклюже толкая друг друга

плечами в тесном пространстве, Вита проскользнула в образовавшуюся щель между ними. Выскочив в коридор, она побежала вниз по лестнице, не переставая оглядываться. Оставалось всего пара ступенек, она облегчённо выдохнула и в последний раз обернулась. И в этот момент угодила в стальные объятия ещё одного. Попытки вырваться не увенчались успехом. Паника стала нарастать, страх завладел разумом, превращая мысли в хаотичный вихрь. Сердце учащённо колотилось, пульсация эхом отдавалась в голове, заглушая все остальные звуки. Виталина стала кричать и извиваться, как змея, не оставляя попыток освободиться.

Чем сильнее был её страх и пульс, тем слабее становилась хватка противника. Вскоре он упал, будто его тело внезапно лишилось сил. Вита бросилась бежать, оказавшись за пределами дома, остановилась на тропинке у крыльца. За забором стояла «Газель» чёрного цвета с сине-красной эмблемой «Абаддон». Резко присев, чтобы её не заметили, Вита, почти на четвереньках, перебралась за угол дома. Там она присела, прижавшись спиной к прохладному дереву стены, и стала наблюдать за машиной, ожидая, когда из дома выбегут те, кто пытался схватить её.

Просидев около часа, Виталина не понимала, почему никто не выходит. В машине тоже было тихо — ни голосов, ни шорохов, только безмолвие, от которого по коже бежали мурашки. Решив, что она пуста, Вита пошла посмотреть. Осторожно подобравшись к машине, она впала в ступор. Рядом с

машиной лежал человек в маске, а за рулём сидел мужчина, откинувшись на спинку сиденья. На его лице виднелись тёмные пятна. Взяв себя в руки, Вита подошла ближе, пытаясь разглядеть лицо водителя. От фонарного столба света было немного, но этого хватило: пятна оказались кровью. Они были похожи на небольшие подтёки из ушей, носа и рта. Её затрясло, и она, забыв обо всём, бросилась обратно в дом.

Только когда Виталина оказалась внутри, она вспомнила о злоумышленниках, которые всё ещё были в доме. Один из них так и лежал у лестницы. Медленно подойдя к нему, она стянула с него маску. Перед ней лежал парень лет двадцати с небольшим — с теми же кровавыми подтёками на лице. Вита бросилась вверх по лестнице. В её комнате лежали трое. Маски снимать она не хотела, понимая, что увидит то же самое. Добежав до спальни родителей, она остановилась, не в силах открыть дверь. Боялась того, что может увидеть. Всё же решилась и открыла её.

Мать лежала на кровати в неестественной позе, отец и ещё двое в чёрной одежде — на полу, с теми же симптомами. Добравшись до кровати, Вита протянула трясущуюся руку к матери. Пульса не было. Комната вдруг стала слишком тихой — так бывает, когда мир замирает в одну роковую секунду, чтобы навсегда остаться в памяти именно таким: застывшим, безмолвным, невыносимо реальным.

Вита залилась слезами, прижимая голову мамы к себе. Она плакала и гладила её по волосам, будто пыталась вер-

нуть тепло, которое уже ушло.

— Я убийца! — шептала она как в бреду. — Я убила всех! Я убила вас! Я не хотела! Не хотела! — Осознание пришло само, обрушившись на неё всей своей тяжестью. — Я и на корабле всех убила! Это была я! Я монстр! Я не имею права жить! Как… как мне исправить это? Я не знаю… не знаю… как…

Просидев так остатки ночи, Вита заметила, что начало светать. Первый луч солнца пробился в комнату, окрасив стены в бледно-розовый цвет, словно пытаясь стереть с них тени. Словно очнувшись от сна, Вита вскочила с кровати и вытерла слёзы. Быстрым шагом она добралась до своей спальни, переоделась в легинсы и тунику, взяла свой походный рюкзак и куртку, прихватив кошелёк со столика. Заглянув на кухню, она взяла немного еды, обула кроссовки и поспешила прочь из дома.

Их дом находился на окраине города, в километре от леса. Вита направилась именно туда. Они всегда ходили в походы именно в этот лес — она знала его как свои пять пальцев: каждую тропинку, каждый поваленный ствол, каждую поляну, где они с Марком разводили костёр, а Дженна доставала термос с чаем. Но в этот раз Вита шла в самую чащу, отклонившись от тропинок, туда, где деревья смыкались над головой, а свет почти не проникал сквозь густую листву. Она ненавидела себя за смерть родителей и хотела оказаться как можно дальше от людей. Считала, что может причинить

им вред — что её прикосновение теперь несёт не тепло, а гибель, и единственный способ защитить остальных — исчезнуть.

Лес встретил её тишиной, которая теперь казалась не уютной, а зловещей. Ветер шелестел в кронах, словно перешёптывался о чём-то, что Вита не хотела слышать. Она шла вперёд, не оглядываясь, позволяя темноте смыкаться за спиной, будто надеясь, что однажды она растворится в ней без остатка.

***

Полгода Виталина прожила в лесу — в самой глухой его части, где даже птицы пели тише, будто боялись нарушить эту первозданную, почти священную тишину. Деревья здесь стояли плотной стеной, их ветви сплетались над головой, не пропуская ни лишнего света, ни лишних взглядов. Вита научилась сливаться с этой тишиной: двигаться бесшумно, дышать в такт ветру, замечать малейшее движение в листве. Она строила шалаши из еловых веток, разжигала костры одной спичкой, собирала ягоды и коренья, училась отличать съедобное от ядовитого не по книгам, а по запаху, по цвету, по едва уловимой горечи на языке. Дни текли медленно, каждый был похож на предыдущий, и в этом однообразии Вита находила странное утешение: здесь не нужно было ни о чём думать, не нужно было вспоминать, не нужно было бояться, что её прикосновение снова причинит кому-то боль.

Но однажды утром, когда туман ещё стелился по земле, цепляясь за корни деревьев, Вита поняла, что больше не может прятаться. Лес, который стал ей убежищем, теперь казался клеткой, пусть и самой красивой. Она решилась вернуться в мир. Свой дом видеть не хотела — слишком много там было света, тепла и любви, которые теперь жгли сильнее любой раны. Поэтому она вышла на противоположную сторону леса, туда, где деревья постепенно редели, уступая место серым улицам, гулу машин и запаху бензина, который когда-то казался ей чужим, а теперь стал просто частью реальности.

Денег у неё было немного, но вполне достаточно, чтобы купить джинсы, простую тенниску и снять номер в придорожной гостинице. Гостиница была худшей в их городе — обшарпанной, с тусклыми лампочками в коридорах и скрипучими полами, по которым, казалось, никто не ходил уже много лет. Но в этом был свой плюс: сюда пускали всех, не спрашивая документов, не заглядывая в глаза, не задавая лишних вопросов. Приняв душ, вода в котором сначала была ржавой, а потом вдруг становилась почти прозрачной, Вита переоделась и направилась в ближайший бар. Ей хотелось перекусить, согреться и хоть немного определиться с будущим: искать работу здесь или уехать в другой город, где никто не будет знать ни её имени, ни её истории.

Бар находился в трёхстах метрах от отеля — потрёпанное годами здание с облупившейся краской и тусклой вывеской,

которая давно перестала светиться. Внутри было ещё хуже, чем снаружи: грязные столы с царапинами, въевшийся запах прогорклого масла и сигаретного дыма, который висел в воздухе плотным, сизым туманом. В баре было немного теплее, чем на улице, но недостаточно, чтобы снять куртку. Вита не стала её снимать: плотная ткань служила не только защитой от холода, но и своеобразной бронёй, скрывавшей её уязвимость.

Сев у барной стойки, она заказала салат и кофе. В основном обитатели этого заведения были байкерами — грубоватыми, шумными, привыкшими к дороге и ветру. Но попадались и приезжие, случайно зашедшие перекусить, как Вита. Парень, сидевший недалеко от неё, был именно таким. Он тоже сидел за барной стойкой, потягивал пиво и наблюдал за Виталиной. Скорее всего, он пытался понять, как такую симпатичную и достаточно юную особу занесло в это злачное место. Вита тоже разглядывала его, только не так открыто — лишь изредка бросая короткие взгляды, словно пытаясь собрать его образ по кусочкам.

Высокий, спортивный парень лет двадцати семи. Джинсы и облегающая футболка подчёркивали мускулистое тело, а сверху была надета расстёгнутая чёрная кожаная куртка. Коротко стриженные тёмные волосы, достаточно симпатичное лицо с лёгкой щетиной и внимательными, чуть прищуренными глазами. В нём чувствовалась собранность человека, который привык держать ситуацию под контролем и не до-

верять первому впечатлению.

Вита ела салат и представляла, кем бы он мог работать. Может, дальнобойщиком, который остановился на пару часов, чтобы перевести дух? Или частным детективом, который ищет кого-то в этом захолустье? А может, просто путешественником, которому всё равно, где спать и что есть, лишь бы дорога не кончалась. Он долгое время не сводил с неё глаз, и это начало её злить. Ей хотелось побыстрее доесть и уйти, раствориться в вечерних улицах, где никто не будет рассматривать её, как диковинку.

Как вдруг один подвыпивший молодой байкер проявил к ней интерес.

— Как тебя такую красивую к нам занесло? Может, познакомимся? — растянуто произнося слова, он еле стоял на ногах. Склонившись к ней, он выдохнул клубок сигаретного дыма ей в лицо.

Сдержав гнев, Вита ответила:

— Нет, спасибо, я уже ухожу. — Она хотела встать, но парень положил ей руку на плечо.

— Да не торопись. Посидим, познакомимся, выпьем, вечер только начинается.

— Я не хочу с тобой знакомиться, — серьёзным тоном заявила она.

— А зачем пришла сюда, раз ты такая недотрога? — он сильнее сжал ей плечо.

Вита резко вскинула руку и ударила по его руке, лежащей

на её плече. Второй рукой тут же оттолкнула его и вскочила с места, мгновенно принимая боевую стойку. В этот момент она заметила, что парень, который наблюдал за ней, отставил стакан в сторону и с напряжённым интересом стал следить за происходящим.

Байкер быстро обрёл равновесие и направился к ней в ярости.

— Ты что творишь? — зарычал он и замахнулся.

С лёгкостью увернувшись, Вита нанесла ему два точных удара в лицо. Музыка в баре затихла, все обернулись и с каким-то задорным любопытством стали наблюдать за происходящим, будто это было не столкновение, а часть вечернего развлечения. Когда байкер вновь устремился к ней, парень схватил его за руку и дёрнул к себе.

— Девушка же сказала, что не хочет знакомиться, — его голос звучал спокойно, но в нём чувствовалась сталь, которую лучше не испытывать.

Тот попытался что-то возразить, но парень одним сильным ударом отправил его в нокаут. Затем поднялся, взял Виту за руку и двинулся к выходу.

— Уходим, быстро, или здесь будет жарко! — его голос звучал властно, но в то же время по-доброму, словно он не просто спасал ситуацию, а действительно хотел уберечь её от неприятностей.

Выйдя из бара, они быстро свернули за угол и только потом замедлили шаг. Ветер здесь был чуть свежее, а воздух —

чище, будто даже в паре кварталов от бара мир становился немного лучше.

— Как тебя занесло в такое место? — заговорил он с возмущением, но в его голосе слышалась не злость, а искреннее недоумение.

— Могу тебя спросить о том же! — она уклонилась от ответа, не желая раскрывать свои карты.

— Я мужчина! — с вызовом ответил парень.

— А я могу за себя постоять! — Вита вздёрнула подбородок, и в этом жесте было столько гордости, сколько бывает у человека, который слишком долго доказывал себе и другим, что он не слаб.

— Это я заметил, — усмехнулся он, — но байкеры чаще всего приходят друг другу на выручку. Ты бы не справилась с целым баром.

— Я просто хотела перекусить, — сдалась она, и в её голосе прозвучала усталость, которую она так старательно прятала.

— Что, другого места не нашлось? — он поднял руку и аккуратно убрал выбившуюся прядь с её лица. Этот жест был настолько естественным, что Вита на мгновение замерла.

И тут она заметила такую же татуировку у него на запястье — точно такую же, как у неё. Схватив его за руку, она отодвинула рукав куртки и прочла: «Кристиан».

— Откуда у тебя эта татуировка? — спросила она, и в её голосе прозвучало столько надежды, что Кристиан невольно

напрягся.

Он одёрнул руку, но не грубо, а скорее инстинктивно, будто сам не хотел, чтобы кто-то касался этой части его прошлого.

— Ты видела такую раньше? — спросил он, и теперь уже он смотрел на неё с пристальным вниманием, словно пытался прочитать в её глазах что-то, что могло бы объяснить всё.

— Да, — коротко ответила Вита.

— Где? — он перестал улыбаться, и его лицо стало серьёзным, собранным, будто он готовился к чему-то важному.

— У одного человека много лет назад, — соврала Вита, не желая открывать всю правду. — Ты не ответил.

— Где сейчас этот человек? — не обращая внимания на её уловку, продолжил он с явным интересом.

— Не знаю. Когда мы виделись, она ничего не помнила. Это была девочка, она думала, что это её имя.

— Так и есть, это имя, — сказал он разочарованно, будто надеялся услышать что-то другое.

— Так откуда она? — не сдавалась Вита. Столько лет она жила с этим вопросом, и вот теперь, встретив человека, который мог пролить свет на её прошлое, она не собиралась упускать шанс.

— Я не могу сказать, — он сменил тему, стараясь звучать спокойно, но напряжение в его плечах выдавало его. — Давай я провожу тебя до дома, чтоб с тобой ещё что-то не случилось.

— Я живу в гостинице, я здесь проездом, — снова солгала Вита, не готовая раскрывать все свои карты.

— Ну хорошо, до гостиницы, — голос его звучал удивлённо, но Кристиан не подал вида, что заметил её уклончивость.

Они двинулись дальше. Улицы здесь были пустынными, фонари горели через один, и тени от домов ложились на асфальт неровными полосами.

— Почему ты не можешь сказать, откуда тату? Это плохое место? — не унималась Вита. Она чувствовала, что стоит на пороге чего-то важного, и боялась, что если замолчит, этот шанс ускользнёт.

— С чего ты решила? — его голос и мимика были неоднозначны. Он пытался улыбаться, но его настороженность выдавала его.

— Не знаю, — пожала она плечами. — В хорошем месте не делают тату детям.

— А с чего ты решила, что она сделана в детстве? — Крис вновь напрягся, и Вита поняла, что попала в самую точку.

— Когда я увидела её впервые, той девочке было около десяти лет.

— Да, это плохое место, — с выдохом признался он, и в этом признании было столько горечи, что Вита почувствовала, как внутри у неё что-то дрогнуло.

— А ты помнишь, что там было? — она почувствовала надежду, тонкую, хрупкую, как первый луч солнца после долгой тьмы.

— Да, — коротко ответил он, и этого одного слова хватило, чтобы Вита поняла: он знает больше, чем готов сказать.

— Расскажи, пожалуйста, — прошептала она, и в этом шёпоте была вся её боль, вся её усталость от бесконечных вопросов без ответов.

— Зачем тебе? — он остановился и посмотрел ей прямо в глаза, будто пытался увидеть, готова ли она к правде, которую он мог ей дать.

— Просто интересно, через что прошла та девочка, — как можно безразличнее пыталась говорить Вита, но голос её слегка дрожал, выдавая истинные чувства.

Немного помолчав, Кристиан заговорил:

— Не могу. Правда не могу. Но ничего хорошего там не было.

Они дошли до отеля. Крис выгнул брови дугой, когда увидел вывеску.

— Я тоже остановился в этом отеле, — произнёс он с лёгкой иронией, будто сама судьба подталкивала их друг к другу.

По воле случая их номера оказались соседними — через стену. Казалось, даже мир хотел, чтобы они не теряли друг друга из виду.

— Скажешь, зачем ты здесь? — спросила Вита, надеясь, что теперь, когда между ними появилось хоть какое-то доверие, он ответит честно.

— Ищу кое-кого, — коротко ответил Крис, не вдаваясь в

подробности.

— А ты? — повернулся он к ней.

— Ищу своё место в жизни, — ответила Вита, и в этих словах была отчасти правда. Она действительно искала своё место и себя, пыталась понять, кем она может быть, если отбросить все страхи и сомнения.

— А со старым что? — не отступал он.

— Так получилось, я осталась одна. Без денег и крыши над головой, — сказала она, опуская все страшные детали, которые всё ещё жили в её памяти, как острые осколки.

Подумав минуту, он сказал:

— Я заметил, ты неплохо дерёшься. Может, поедешь со мной?

— Куда? — настороженно спросила Вита.

— Есть одна организация. Если тебя примут, ты узнаешь о тату, которая тебя так интересует.

— А чем вы занимаетесь? — с недоверием спросила она. — Это там вам делают их?

— Нет, — он улыбнулся, и в этой улыбке было что-то такое, что заставило Виту поверить ему хоть немного. — Мы спасаем тех, кому их делают.

— Как? — её интерес снова проснулся, разгораясь, как костёр из сухих веток.

— Пока не могу сказать, — честно признался он.

— Хорошо, я поеду с тобой, — после короткой паузы ответила Вита, чувствуя, что делает шаг в неизвестность, но

это лучше, чем стоять на месте.

— Когда? — уточнила она.

— Когда я закончу дела, — спокойно ответил он.

— У меня заканчиваются деньги, номер проплачен ещё на день, — призналась Вита, не желая выглядеть беспомощной, но понимая, что скрывать правду нет смысла.

— Я оплачу, на сколько будет необходимо, — просто сказал Кристиан, и в этой простоте было столько искренности, что Вита впервые за долгое время почувствовала, что кто-то готов нести часть её тяжести.

— Хорошо. Спокойной ночи, — тихо произнесла она.

— Тебе тоже, — ответил он, и они разошлись по комнатам.

Вита сняла куртку и растянулась на кровати. Матрас был жёстким, одеяло — тонким, а в комнате пахло пылью и чем-то неуловимо старым. Но сейчас это не имело значения. Закрыв глаза, она сразу провалилась в сон — глубокий, без сновидений, такой, какой бывает у человека, который наконец нашёл хоть какую-то опору в этом огромном, пугающем мире. И даже сквозь сон она чувствовала, что завтра всё может измениться — и, возможно, впервые за долгие годы эти перемены будут не разрушительными, а спасительными.

Глава 2

Спала она беспокойно. Сон был рваным, как старая ткань,

которую тянут в разные стороны: в нём переплетались тепло родного дома и леденящий холод вины, знакомые стены и искажённые лица тех, кого она любила. Ей снилось, что она снова дома, и все мертвецы идут на неё, обвиняя в своей смерти. Впереди всех шли мама и папа — их силуэты были чуть размыты, будто она смотрела на них сквозь слёзы, а голоса сливались в единый, невыносимо горький хор:

— Мы любили тебя, а ты убила нас! — твердили они в один голос. — Убила, убила, убила! Убийца, убийца, убийца!

Вита отходила назад, пока не упёрлась спиной в холодную стену, и тогда закричала, заливаясь слезами:

— Я не хотела, не хотела, не хотела! — её голос дрожал, рассыпаясь на осколки. — Я не знаю, как это вышло! Я не хотела! Не хотела…

В этот момент вспыхнул резкий, безжалостный свет, и Вита быстро села в кровати, часто моргая, пытаясь привыкнуть к яркому освещению, которое резало глаза, словно нож.

— Что с тобой? — спросил озадаченный Крис, стоя в дверях. Его лицо было встревоженным, в глазах читалась готовность в любой момент броситься на помощь.

— Всё в порядке, просто кошмар, — пробормотала Вита, стараясь унять дрожь, которая всё ещё пробегала по телу.

Он подошёл ближе и присел на край кровати, его движения были осторожными, будто он боялся спугнуть её, как испуганную птицу.

— И часто тебе снятся кошмары?

— Каждую ночь, — тихо призналась она, опустив глаза. — Мои родители погибли, каждую ночь я вижу это во сне.

Кристиан пододвинулся ближе и приобнял её, и от этого простого жеста Вита почувствовала, как внутри что-то чуть-чуть расслабилось, будто тугая пружина, сжимавшая её грудь, дала слабину. От него исходило тепло и ощущение защиты, как от надёжной стены, за которой можно спрятаться от любого ветра. Вита положила голову ему на плечо, вдыхая едва уловимый запах кожи и ветра, который, казалось, всегда сопровождал его.

— Как тебя зовут-то? — поинтересовался он, чуть наклонив голову, чтобы заглянуть ей в глаза.

— Вита.

— Я Кристиан, хотя ты и так знаешь, — он слабо улыбнулся, и эта улыбка была такой искренней, что на мгновение прогнала тени из её головы.

Она стала успокаиваться, чувствуя, как ритм сердца постепенно возвращается к норме, как вдруг он отстранился, взяв её за руку. Его пальцы крепко, но не грубо обхватили её запястье, и в его голосе зазвучали лёгкие нотки гнева, смешанного с болью понимания:

— Ты соврала! — произнёс он, и каждое слово было как удар по натянутой струне. — Та девочка — это ты! — озвучил свои догадки, и в этот момент между ними не осталось ни тайн, ни уловок.

— Да, — она выдернула руку и зажала запястье второй

рукой, будто пытаясь спрятать не только татуировку, но и всё то, что она означала. — Я не знала, могу ли тебе верить.

— Как давно ты на свободе? Кто спас тебя? Расскажи, ты можешь мне доверять, я не сделаю тебе больно, — его голос стал мягким, как музыка, которая убаюкивает бурю.

— Я не помню, что было. Не знаю, как оказалась на свободе. Мои родители нашли меня в десятилетнем возрасте, а до этого я ничего не помню. Расскажи, что знаешь ты, — она с мольбой смотрела на него, и в этом взгляде было столько надежды, что Кристиан не смог отвести глаза.

И он рассказал. О «Абаддоне» — организации, которая ставила опыты на детях, пытаясь сделать из них оружие для войны, чтобы заработать много денег. О том, как они выслеживают их базы и освобождают детей, как одни остаются сражаться, а других пристраивают в новые семьи. О фургоне, найденном полгода назад у одного дома, о мёртвых людях и семье, о том, что, скорее всего, это их собственное оружие вышло из-под контроля.

Виталина решила сказать правду, но не всю. Она рассказала, как Дженна и Марк нашли её, как она оттачивала бойцовские навыки, как смогла вырваться и сбежать, а когда вернулась утром, все были мертвы. Как полгода провела в лесу, прячась от мира и от самой себя, и только сегодня вернулась в цивилизацию.

— Теперь многое встало на свои места, — прошептал Кристиан, и в его глазах Вита увидела не осуждение, а по-

нимание, которое было дороже любых слов. — Тогда завтра можно уезжать, моя миссия выполнена. Мне остаться до утра или ты сама справишься?

— Если хочешь, можешь остаться, мне будет спокойнее, — призналась она, и в этой просьбе было столько детской уязвимости, что Крис не смог отказать.

Он остался, лёг на полу, завернувшись в тонкое одеяло, и Вита долго смотрела на его силуэт в полумраке, пока сон не накрыл её тяжёлым, но уже не таким пугающим покрывалом.

Утром Вита проснулась от того же кошмара, но на этот раз он был не таким ярким, будто за ночь его краски чуть выцвели. Кристиан уже не спал.

— Доброе утро! — улыбнулся он. — Хотя, скорее всего, не слишком доброе, да?

— Я уже привыкла видеть этот сон, он не влияет на моё настроение, — ответила Вита, стараясь звучать уверенно, и сама удивилась, насколько это было похоже на правду.

— Тогда собирайся, в путь! — он оживился, и в его энергии было столько жизни, что Вита невольно улыбнулась.

Она приняла душ, привела себя в порядок и собрала волосы в тугой конский хвост. Оглядев себя в зеркало, осталась довольна собой. В свои почти семнадцать лет Виталина превратилась из девочки в красивую девушку: её тело обрело округлые, женственные формы, волосы отросли и теперь чуть касались плеч, но она редко ходила с распущенными волосами — чаще всего делала хвост, который подчёркивал

её решительный взгляд и упрямый подбородок.

Выйдя из ванной и взяв рюкзак, она сказала:

— Я готова.

— Тогда пойдём! — Крис окинул её взглядом, задержавшись чуть дольше на лице, будто пытался запомнить каждую черту. — Сколько тебе лет?

— По тем документам, что сделали мне родители, через неделю будет семнадцать.

— Ты совсем ещё ребёнок, — тихо промолвил он, и в этих словах было столько заботы, что Вита почувствовала, как внутри всё сжалось от обиды.

— Я бы так не сказала, — она с обидой вздёрнула подбородок, и в этом жесте было столько гордости, что Крис едва заметно улыбнулся.

Они вышли из гостиницы и сели в припаркованную рядом машину — серебристую Toyota Camry, которая выглядела так, будто повидала немало дорог, но всё ещё была готова к новым. Ехали они около двенадцати часов. Вита немного поспала, а когда открыла глаза, увидела, что они в каком-то незнакомом городе и припарковались у маленькой и невзрачной гостиницы, которая казалась островком тишины среди суеты.

— Переночуем здесь, а утром снова двинемся в путь, — сказал Крис.

— И как далеко нам ехать?

— С остановками на ночь, ещё два дня.

— Ого! — Вита невольно улыбнулась, и эта улыбка была первым настоящим проблеском радости за долгое время.

Отель был переполнен, им кое-как удалось снять одноместный номер. Бросив вещи, они отправились на поиски места, где можно перекусить. Спустя полчаса наткнулись на бар, похожий на тот, в котором они встретились: такие же потрёпанные стены, такой же густой запах сигаретного дыма и дешёвого алкоголя, такой же приглушённый гул голосов, который звучал как фоновый шум чужой жизни.

Сделав заказ, Крис отлучился, и Вита осталась сидеть за барной стойкой, чувствуя, как на неё со всех сторон смотрят чужие, любопытные взгляды. К ней привязался подвыпивший парень — его глаза были мутными, а движения резкими, будто он пытался доказать самому себе, что ещё что-то значит.

— Что скучаем? Пошли к нам за столик.

— Нет, спасибо, я не одна.

— Да пойдём! — он схватил её за руку и потянул за собой. — Чего ломаешься!

Не ожидая такого напора, Вита не удержалась, и он стащил её со стула.

— Я не пойду! — она вцепилась в него второй рукой, пытаясь освободиться.

— Пошли, не будь дурой!

— Я ей буду, если соглашусь! — с силой выдернула руку, и в этот момент в ней проснулась та самая холодная собран-

ность, которая спасала её раньше.

Парень пытался схватить её снова, но Виталина ударила его кулаком в челюсть. Он пошатнулся, но устоял, и в его глазах вспыхнула ярость, густая и тяжёлая, как грозовая туча. Стремительно сокращая расстояние между ними, он хотел ударить её в ответ, но в этот момент появился Крис. Одним точным ударом он отправил парня в нокаут, как делал это прежде, и в этом движении было столько отработанной силы, что Вита на мгновение замерла.

— Что это такое, ни на минуту тебя нельзя оставить! — возмущался Крис, но в его голосе слышалась не злость, а облегчение, смешанное с тревогой.

Он схватил её за руку и потащил к выходу.

— А как же ужин? — возразила Вита.

— Обойдёмся.

Но вход им преградили два здоровых мужика, скорее всего дружки того парня. Не раздумывая ни секунды, Крис таким же ударом наградил одного, стоявшего ближе к нему. Только тот не потерял сознания, а кинулся в драку. Вита решила отвлечь второго, ударив несколько раз кулаком по лицу. Это мало чем повредило ему, но он переключился на неё. Резко толкнув её в грудь, он отшвырнул Виту в сторону. Пока она пыталась прийти в себя, они накинулись на Кристиана. Быстро вскочив на ноги, она кинулась к ним. Схватив со стола большой пивной бокал, она ударила одного из них по голове. Бокал разбился, и мужчина упал. Крис быстро от-

пихнул в сторону второго, и они бросились бежать.

Петляя между домами, спустя минут пятнадцать они остановились отдышаться. Грудь Виты тяжело вздымалась, а сердце колотилось так, будто хотело вырваться наружу.

— Ты словно магнит для негодяев! — говорил Крис, тяжело дыша, но в его глазах уже не было злости — только усталость и какая-то странная, горькая ирония.

— Я тут ни при чём! Они сами липнут, хотя я не наряжена и не накрашена.

— Боюсь представить, что будет, если ты будешь в платье и накрашенная, — он засмеялся и тут же скривился от боли. — Мне понадобится ОМОН, чтоб отбить тебя!

— Что с тобой? — забеспокоилась Вита, и в её голосе прозвучала такая искренняя тревога, что Крис на мгновение растерялся.

— Зацепили немного.

Он повернулся боком и поднял куртку с футболкой. На боку красовался порез, из которого сачилась кровь, тёмная и густая, как смола.

— Тебе надо в больницу! — испуганно говорила она, и её голос дрожал, будто она уже видела худшее.

— Нельзя, так заживёт. Надо добраться до гостиницы, — он говорил твёрдо, но в его глазах читалась боль, которую он старался не показывать.

— Тогда идём скорее!

Он положил руку ей на плечи, она обхватила его за та-

лию, и они двинулись в путь, будто стали одной опорой друг для друга. Вскоре добравшись до отеля, Вита остановилась у стойки регистрации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.